

Алексей Алексеевич Глушановский

Меч императора

http://zhurnal.lib.ru/g/glushanowskij_a_a/

Аннотация

Было плохое настроение, и хотелось написать что-нибудь пожестче. Пожестче не получилось. Но вроде не так уж и плохо, правда что-то чересчур сентиментально.

Алексей Глушановский

Меч императора

– Шар-ра! – Стройные ряды атакующей конницы неслись на войско нежити. Их предводитель, высокий мужчина лет тридцати, неся в первых рядах, и солнце, отражаясь в блестящих доспехах, болезненно кололо глаза. Вот, рыцарский клин достиг первых рядов, и рыцарь был вынужден бросить копье, увязшее в теле какого-то зомби. Ни на секунду не останавливаясь, он выхватил меч, и принялся яростно рубить мертвую плоть противников.

– Обратите внимание, повелитель, великолепная выучка! Они сохраняют строй даже сейчас! – Алиена как всегда, подошла абсолютно бесшумно. – Как вы думаете, у них есть шанс прорваться?

Я еще раз посмотрел на поле боя, прикидывая соотношение сил. Рыцари Шарранты уже искрошили первые ряды противостоящей им нежити (ничего особого, всего триста боевых скелетов, и около сотни зомби третьего разряда, которых я поднял, прогулявшись по местным кладбищам), после чего ответил нетерпеливо ожидающей вампирессе.

– Несомненно, дорогая. Думаю, будь у них еще полчаса, и они смогли бы подняться к нам в гости.

– А разве вы им этого не позволите? Мне бы хотелось немного размяться.

– Ни в коем случае. После твоих «развлечений» трупы зомбированию не поддаются, ввиду состояния полной разобранности. Мне же эти ребятки могут еще пригодиться!

Алиена порывисто вздохнула, всем видом выражая покорность моей тирании. Я же пристально всмотрелся в рыцарский клин, уже довольно далеко ворвавшийся в ряды моего импровизированного войска и сосредоточился, вызывая к своей крови.

Для активизации фамильных навыков не требовались ни ритуалы, ни чтение заклятий. Все просто... очень просто. Небольшое сосредоточение, поле зрения привычно сжимается, очерчивая блестящий клин незримым кругом... Ну, где же вы, Леди, я жду. Сегодня у вас будет богатая жатва. И Смерть откликается, исполняя древнюю клятву, данную моему предку еще в те незапамятные времена, когда эльфы обитали с людьми бок о бок, а под сенью величавых дубов можно было увидеть гуляющих богов.

Её вижу лишь я. Для остальных лишь резко жухнет, становясь сухой и ломкой, трава в очерченном моим взглядом круге, и рыцари, еще секунду назад увлеченно рубившие зомби, вдруг замирают и падают вместе со своими конями.

На противоположном холме, где располагалась ставка противника и откуда только что неслись победные крики, воцарилось молчание. Затем раздался вопль ужаса: – Мертвитель!!! Император прислал мертвителя. Спасайтесь! – оттуда в разные стороны брызнули пешие и конные. Обозная обслуга, проститутки, свита восставшего графа, спешили уклониться от встречи с императорским правосудием, которое я представляю. Впрочем, их можно понять. Моя семейка никогда не отличалась излишним добродушием, а слово «милосердие» отец и вовсе использовал в качестве бранного.

Я жестом остановил готовую броситься вдогон Алиену. – Не спеши. Мне не нужны их головы. Равно как и прочие части тела! – предупредил я готовую сорваться вдогон беглецам соскучившуюся по крови «ночную тень».

Мятеж подавлен. Император будет доволен. Возможно, даже наградит какой-нибудь очередной побрякушкой. А мне сейчас предстоит самое противное. Карать и миловать. Жестоко наказывать восставших и благосклонно награждать предавших их доносчиков. Впрочем... От нашего рода никто и никогда не ждал добра! Думаю, предавшим Киру, не очень-то понравится императорская награда!

Кира, Кира... Зачем? Ты же должна была понимать, что император не простит... Ни отказа, ни, тем более, восстания. И вот, теперь, я вынужден ехать сюда, в благословенную Шарранту, не как гость, или друг, чего мне хотелось бы больше всего на свете, но как мертвитель, и меч императора.

– Нам пора. – В голосе Алиены отчетливо слышалось недовольство. Еще бы! Я в очередной раз подтвердил свою репутацию тирана и извращенца, не только не дав бедной девочке немного размяться, помахав вейтангуром, но и совершенно беспрепятственно позволив разбежаться целому обозу, не захватив, и даже не убив никого из него! Вампиресса никак не могла понять, почему я позволяю уйти такому количеству двуногих бурдюков, наполненных самой вкусной, самой ценной, самой привлекательной из всех жидкостей, – кровью.

– Пойдем. – Я медленно спустился с холма, и зашагал к своему ароматному воинству. На жаре зомби быстро разлагались, наполняя окрестности отнюдь не цветочным благоуханием. После стремительного удара рыцарей, их осталось не так уж и много, но теперь это не значило ровным счетом ничего. Собственно, они и нужны-то мне были, только как почетный эскорт, и защита от неожиданного удара. Так что, я не стал бы поднимать рыцарей, если бы не необходимость как-то объяснить Алиене причину, по которой я не позволил ей подраться. Извините, ребята...

Толчок силы, взмах кистью руки, несколько слов на темуредхе... Это не обязательно, но во многом облегчает поднятие. Особенно это важно для умертвий высоких уровней. В глазницах ближайших десяти рыцарей, и их коней загорается мрачный фиолетовый огонь, дочиستا сжигающий их собственные глаза, мертвые и безучастные. Невидимое, мертвое пламя иссушает тела, взамен наделяя их невероятной силой, и вот десяток темных умертвий в доспехах рыцарей Шарранты, склоняются передо мной.

– Приказывай, повелитель, – невнятно хрипит предводитель, тот, кто еще совсем недавно был золотоволосым мужчиной, отважно врубившимся в мертвячье войско со звонким боевым кличем на устах.

– Следуйте за мной, – я устало отворачиваюсь от умертвий, и делаю легкий пасс в сторону остальных рыцарей. Темная дымка заволочла тела людей и животных, а когда она исчезла, лишь ржаво-серый порошок покрывал место, где лежали сраженные воины.

– Они храбро сражались, и заслужили покой, – пояснил я свой поступок изумленной вампирессе. – К тому же, мне в общем-то вполне хватит того, что я уже наwerbовал. Думаю, справлюсь и так! – здесь я позволил себе улыбнуться фирменной усмешкой своей семьи. Неподготовленные люди от такого зрелища частенько падали в обморок. Алиена лишь довольно оскалилась, обнажив белоснежные клыки.

Я невольно залюбовался девушкой. Разработки проекта «Высший» явно приблизились к удачному завершению. Алиена уже вполне спокойно могла переносить не прямые солнечные лучи, да и прямые, лишь слепили её глаза, и болезненно обжигали кожу, не причиняя тем не менее особого вреда, и уж тем более не сжигая в пепел, как это происходит с простыми вампирами.

Заметив мой взгляд, Алиена демонстративно потянулась, и пошла в сторону ложбины, где мы оставили своих дергаров¹. Проводив взглядом изящную фигурку своей телохранительницы, я мельком задумался о том, что усиление тактильной чувствительности

¹ Дергар – разновидность нечисти, имевшая вид бронированной черной чешуей лошади с клыками. Хищник. Создана магами Темной Цитадели специально для некромантов, ввиду невозможности использования ими обычных лошадей, реагирующих на присутствие нежити паническим ужасом.

у высших вампиров, вполне могло иметь весьма интересные последствия. Впрочем, неважно... Пора выезжать. Я мельком оглянулся на поле прошедшей битвы, и замер. Сквозь ржаво-коричневую пыль, оставшуюся на месте погибших тел, стремительно прорастал, и разворачивался прекрасный цветок. Темные, почти черные листья, ломкий стебель, и огромные, нежнейшие лепестки, светящиеся неярким белым светом.

Асфodelь. Цветок Вечной Леди, что иногда вырастает в тех местах, которые она почтила своим личным присутствием. Никто из живых не может к нему прикоснуться, никому из живых не дано ощутить его чарующий аромат. Никому... кроме принадлежащих к родам зу Крайнов, и зу Риллов, потомках двух братьев близнецов, великих магов, величайших воителей, и смертельных врагов. Лишь мы, дети детей Возлюбленного смерти, чье имя стерлось в прошедших веках, лишь мы можем безнаказанно брать дары Ступающей мягко. Для всех остальных – одно прикосновение к прекрасным лепесткам, один вдох чарующего аромата, и самые лучшие из целителей уже ничем не смогут помочь. Цветок смерти открывает самый легкий путь к покровительнице нашего рода. Я бережно сорвал дар Леди, и прикрепил к своей груди. Пока он не проводит на ту сторону смертного, увядание ему не грозит.

Мы шли по прекрасной Шарранте, как чума. Всадниками ада неслись впереди нас умертвия, и серым прахом рассыпалась сочная, зеленая трава густых полей мятежного графства под ногами разлагающихся зомби.

После того, первого раза, никто не пытался мне противостоять. Люди, заведя приближение умертвий, которых я послал вперед, бросались в разные стороны, бросая свои дома со всем, что в них было. Пару раз, Алиена порывалась броситься в погоню, но я запретил ей это. Хватит с неё и свободной охоты!

Снизив скорость движения основного отряда зомби, я старался держаться около него, засылая далеко вперед конных умертвий, предупреждая о своем появлении, и тем самым, давая людям шанс убежать.

Император приказал убивать всех на своем пути к столице графства, и я честно исполнял приказ. К счастью, Его величество, не озаботился самостоятельно прорисовать мой маршрут, и сейчас я приближался к Шенару напрямик, через многочисленные поля, так, чтобы на моем пути не было крупных городов и поселков. А мелкие... Что ж, во исполнение приказа темного императора кому-то же следует умереть? К моей радости, своей жизнью за восставших пока платили многочисленная домашняя живность в стремительном бегстве забытая во дворах, и немногие глупцы, надеявшиеся пережить мой приезд в глубоких погребах. Но это пока. Шенар приближался, и вскоре, я должен буду исполнить то, зачем и был послан.

Город не сопротивлялся. Ворота его были открыты, и на мгновение я пожалел об этом. Насколько легче бы было убить их всех издали, даже не приближаясь, а затем повернуться, и поехать назад, в Цитадель, с докладом о выполнении приказа. Но Кира всегда заботилась о тех, кто доверил ей свои жизни, и не стала жертвовать своими подданными ради призрачного шанса на спасение.

Она встретила меня в воротах дворца. Повзрослевшая, но все такая же прекрасная, как и прежде, в юности, на тех, редких свиданиях, что были у нас, когда мне удавалось ненадолго вырваться из-под строгого взора наставников.

– Ты? – В её голосе не было страха, а лишь бесконечное изумление. Она явно не ожидало того, что за головой мятежной графини Шарранты, пришлют именно меня.

– Да. – Я спрыгнул с дергара. Пятеро умертвий последовали за мной. Оставшаяся пятерка, вместе с Алиеной осталась у ворот. – Император был очень разозлен твоим отказом и последующим бегством. Еще пуще, его разозлило восстание. Он хотел послать Кару. Когда я понял, что это означает для тебя, твоих родичей, и всей Шарранты, я предложил ему свои услуги. Мне очень не хотелось, чтобы ты погибла в лапах этого малолетнего садиста. Я был не прав?

– Прав. Как всегда прав. Спасибо. – Она грустно улыбнулась. – Как это будет? Сейчас?

– Нет. Если ты не против, я хотел бы поговорить. Может, у тебя есть какая-нибудь просьба? Ты знаешь, я сделаю все, что смогу!

– Просьба? Да нет... Пойдем. Негоже стоять на пороге, тем более, ты не собираешься убивать меня немедленно. У меня красивый цветник. Помнишь, как ты дарил мне цветы, собранные в розарии моей матушки? Не надо, не отвечай, молчи. Я все понимаю... Разве что...- тут в её глазах промелькнул призрак надежды, – Спаси моего сына! Это возможно?

– Сына? У тебя уже есть сын? – Я не смог сдержать своего изумления. Мне вспомнилась та боль, и горечь, которую я испытал, когда эта девушка, с так же гордо поднятой головой, ответила «нет» на мою страстную и сбивчивую речь. Она явно ожидала смерти, – никто не отказывает мертвителям, но я смог удержать свою силу, и до сих пор горжусь этим, хотя родители и братья долго смеялись надо мной из-за такого «слюнтяйства».

Когда я узнал о её свадьбе, я был далеко, и сдерживаться не потребовалось. А иссохший лес... Да что этот лес, его все равно собирались пустить на дрова местные крестьяне. И вот... Сын.

– Да. Ему уже десять.

– Если бы... – Я с трудом удерживал рвущиеся из груди слова. И не смог.

– Он мог бы быть нашим!

– Нет. Я рада, что в нем нет проклятой крови. Когда он был маленьким, – лицо Киры расцвело мечтательной улыбкой, – я сама кормила его грудью, не опасаясь, что он вцепится в неё клыками, предпочтя пить кровь, а не молоко.

Когда он подросток, я наказывала его за шалости, не опасаясь, что за шлепок по попе получу смертельное проклятие. Когда он стал старше, то бегал ко мне хвастаться изготовленным из коры корабликом, а не новым способом пыток. Мне не приходилось запугивать нечеловеческими муками крепостных учителей, чтобы они согласились обучать Ратека письму и счету, и выносить из воспитательной комнаты их тела. Я рада, что он не твой сын, а потомок рода с чисто человеческой кровью.

Каждое слово Киры причиняло мне боль. Как странно... я думал, что этот этап моей жизни давно миновал. Я ехал, чтобы избавиться от длительных пыток подругу своего детства, и первую юношескую любовь, но старое, и давно забытое чувство, вдруг вскинулось во мне словно прищипоренное её словами.

– Но будь ты моей женой, и даже император не посмел бы претендовать на тебя! Я мог бы защитить тебя от кого угодно! А какая защита от этого? – я пренебрежительно махнул рукой в сторону застывшего неподвижной статуей умертвия.

– Это он? – Кира подбежала к умертвию, и попыталась открыть опущенное забрало. Бывший граф де Шаррант, стоял не шевелясь, подчиняясь моему неслышному приказу. Наконец, успевшее слегка заржаветь, забрало распахнулось, открывая иссохшее лицо, и горящие безумным, фиолетовым огнем глаза того, кто был отцом ребенка моей возлюбленной.

– Что с ним? – Не выдержав этого зрелища, она повернулась ко мне.

– Я некромант. – Небольшое напоминание. Мне уже удалось вновь поставить под контроль свои чувства, и я жалел о проявленной несдержанности. В конце концов, прошлое – есть прошлое, и даже самому могучему магу еще не удавалось обратить время вспять.

– Отпусти его. Пожалуйста! – В голосе Киры послышалась мольба. Видимо, она на самом деле любила его, вспыльчивого и безумно отважного графа, что осмелился бросить вызов самому темному императору, защищая честь своей жены.

Я равнодушно пожал плечами, и умертвие рассыпалось пылью, забряцав ржавеющими доспехами по каменному полу галереи. Кира, остановилась возле кучки праха, и немного подумав, сняла с обмякшего пояса кинжал в длинных ножнах. Я не возражал. Простая сталь уже давно не могла причинить мне какого-либо вреда, мои щиты были безукоризненны. А если бы и могла... Это все равно ничего бы не изменило.

– Так что насчет моего сына? – настойчиво продолжила Кира. Будь это кто-либо другой, – я бы отказал. Приказ императора гласил: мятежный род должен быть уничтожен! –

и неподчинение его воли было чревато тяжелыми последствиями. Точнее, я просто не мог не подчиниться, – присяга на верность, которую приносили императору все выпускники Темной цитадели, просто не давала такой возможности. Однако, была одна лазейка.

– У твоего сына есть талант к темной магии? Хотя бы минимальный? – спросил я.

– Да! – Кира буквально вспыхнула радостью, догадавшись о моей идее. Жизнь студентов и учеников Темной цитадели императору не принадлежала, равно как и их собственным родителям, а только учителям. Разумеется, после того как обучение закончится, Ратек снова станет мишенью императорского указа, но учить ведь можно долго... очень долго. Всю жизнь. Его, или императора.

– Тогда иди к нему. Попрощайся, и объясни, что к чему. Расскажи о присяге, и её свойствах. Я не хочу, чтобы мой ученик ненавидел меня. В конце концов, нам предстоит еще очень долго быть вместе. Я подожду тебя у цветника.

– Хорошо. И... Спасибо тебе, Свистун. – Детская дразнилка, которой она наградила меня по созвучию с именем, когда мы только познакомились, и она еще не знала о моем происхождении, болью отозвалась в сердце.

Я присел на камень и смотрел, как она уходит, недалеко и ненадолго, хотя и она, и я предпочли бы сейчас находиться как можно дальше друг от друга, и знал, что она вернется, не сделав даже попытки бежать. Люди рода дель Рауль, из которого она происходила, всегда встречали Леди открытой грудью, и гордым взглядом глаза в глаза.

Кира никогда не изменяла этой традиции. И тогда, когда мы играли вместе с другими детьми высоких родов, и она, в отличие от всех остальных детей, тихо молчавших, когда я собирался разрезать живот вопящей и сопротивляющейся кошке, смело отвесила мне подзатыльник. А потом объяснила, обалдевшему и изумленному ребенку, что такое соперничество, и почему нельзя мучить животных и людей без острой необходимости, – тогда я в первый раз сдержал свой дар, – подзатыльник был не силен, и не очень обиден, и мне стало любопытно, почему она меня ударила.

И потом, во всех наших совместных играх, когда она одна осмеливалась относиться ко мне, не как к Потомку Смерти, а как к обычному ребенку, на три года младше её, и потому нуждающемуся – иногда в поддержке и сочувствии, а иногда и в строгом выговоре. Возможно, именно из-за нее, из-за этого человеческого отношения, я и научился сдерживать свой дар, не обрушивая его на всех, кто только ни вызывал мое неудовольствие, как это было принято в нашей семье.

И тогда, когда она отказала мне, я тоже, привычным усилием удержал гнев и боль внутри себя, и только потом до сознания дошел весь горький смысл её слов.

Братья и отец, потом часто спрашивали меня, как, каким образом я смог тогда удержаться от удара. Я не стал объяснять, да и как рассказать им об этом, о том, что для меня гораздо важнее, чтобы девушка которую я люблю была жива и счастлива, чем была моей. Они просто не поняли бы меня, не поняли бы причину, которая не позволила мне попросить императора о свадьбе. У нашей семье всегда были очень большие привилегии, а если бы свадебным посланцем выступил сам император, то родичи доставили бы её на свадьбу, даже если бы её пришлось для этого связать по рукам и ногам.

Сейчас я жалел о своем тогдашнем благородстве. Будь она моей женой, – и никакая клятва не связывала бы мне руки. Да император бы и не осмелился даже взглянуть косо на жену одного из мечей империи.

Мои воспоминания были прерваны появлением Киры. За руку с ней следовал светловолосый мальчик, чье лицо и голубые глаза до крайности напоминали её собственные.

– Вот. Возьми его в ученики при мне. Я хочу знать, что он в безопасности.

– Безопасности в этом мире нет. Но я клянусь своей силой, что сделаю все, чтоб оградить его от императорской мести! – с трудом вытолкнул я сквозь вдруг почему-то пересохшее горло. – Ратек дель Шаррант, ты согласен быть моим учеником?

– Согласен. – Было видно, что ребенок едва удерживает слезы, и если бы не фамильная гордость, он сейчас захлебывался в плаче.

– Я готова. – Кира склонила голову, и ласковым жестом взъерошила волосы на голове у сына. – Иди домой сынок. Тебе не стоит это видеть.

Ратек, послушно, перебарывая себя, отпустил её руку, и побрел в сторону дворца. Однако за ближайшим деревом он остановился, и присев, стал из-за ствола наблюдать за нами. Кира не заметила этого маневра, а я – не стал ей говорить. Парень имел право. Право видеть, знать, и быть может, когда-нибудь, отомстить.

– Вот и все. – Кира присела рядом со мной. Она была в белом платье, так похожем на то... – я усилием воли отогнал непрошенные воспоминания.

– Это не будет больно? – Она доверчиво заглянула мне в глаза.

– Нет. – Смотри, у меня для тебя есть подарок, – я достал асфодель, ничуть не примявшийся и не увядший за время поездки, и протянул ей его.

– Какой красивый, – Она поднесла его к лицу, глубоко вдыхая смертоносный аромат. – Как он пахнет! Ты всегда дарил мне цветы. И сейчас. Что это? Почему ты не дарил мне таких цветов раньше? – Её лицо стремительно бледнело, яд начинал свою работу, но она пока не замечала этого.

– Это асфодель.

– Ваш гербовой цветок? Я думала, что это сказки!

– Как видишь, нет. – Я выдавил из себя усмешку. Лицо Киры стремительно теряло все краски жизни, а руки бессильно обвисли.

– Спасибо, – прошептала она. – Позаботься о Ратеке. Это действительно не больно, и даже приятно. Спасибо, Ви... – глаза её сомкнулись, и я подхватил обмякшее тело.

Из руки Киры выскользнул увядший, потемневший цветок, и, ударившись о землю, разбился легким облачком праха. Тело её медленно расплывалось легким туманом и вскоре растворилось в прозрачном воздухе. Никто и никогда, ни бог, ни демон, ни самый искусный некромант Цитадели теперь не сможет потревожить её душу. Званные гости Вечной Леди, её личная свита, неприкосновенны для земных забот!

Я встал, и бросил последний взгляд на камень, на котором еще минуту назад сидела единственная из женщин, которая могла сказать о себе, что её любил мертвитель.

– Пойдем. – Окликнул я своего нового ученика. – Нам пора. Он вышел из -за дерева, и несмело подошел ко мне.

– Скажи... те, учитель. Ей ТАМ будет хорошо? – не сводя взгляда с того же камня, на который смотрел и я, спросил он.

– Да. Клянусь тебе в этом. Как некромант, и как потомок Края, сына Смерти, клянусь. За чертой ей будет хорошо! – для кого я это говорил? Для него, или же может быть, для себя? Не знаю.

– Тогда пойдем. – Узкая ладошка доверчиво протиснулась в мою. В груди вдруг что-то взорвалось, и я, вдруг, с оглушающей ясностью осознал, что свободен. Свободен от присяги, и любых клятв и обещаний. Любых, кроме одного. Я буду беречь сына Киры, беречь любой ценой, и даже если Вечная Леди, моя прародительница, вдруг явится за ним лично, я найду способ обмануть эту старую суку!

– Не так все просто, мальчик... – интересно, что это за тихий шепот. Показалось?

– Пойдем.

И мы пошли. Я, мертвитель из рода зу Крайнов, острейший и надежнейший клинок империи, с правом судить и карать, и сын той, что я любил, и был вынужден уничтожить.

Да, я клинок, но бывают моменты, когда даже прочнейшему клинку, нестерпимо хочется сломаться, и острым обломком вонзиться в глаз своего хозяина!